

1 апреля.

Папа очень любил маму и еще до встречи с ней был увлечен Востоком, поэтому все трое детей получили таджикские имена. Но у каждого было и русское имя – дублер. У меня – Дарья. Просто по совпадению первой буквы.

Когда я проходила обряд Крещения в Елоховском соборе, я понятия не имела, что батюшка наречет меня именем Дарья. И он понятия не имел, что я уже некоторым образом была Дарьей. Просто я крестилась 1 апреля. И теперь 1 апреля у меня именины. Одна из любимых персон в моей личной истории - советский кинорежиссер Александр Довженко - записал в дневнике: «Бог есть, но имя ему случай».

«Случай» был вот какой.

В 1999 году мы с Алексеем Владимировичем задумали построить в Петрушове Часовню. До приходской церкви – пятнадцать км. До ближайшей (не приходской) – шесть. Никакого общественного транспорта. Для пожилых и очень пожилых людей, каких в деревне уже тогда было большинство, это была настоящая беда. Потому и остановила меня как-то на дороге баба Катя («Поташиха») и сказала: «Нам бы часовенку».

На деревенском сходе решили строить ее всем миром. И я поехала с отцом Николаем, батюшкой нашего прихода, в Рязань просить благословение. От нас до Рязани более 170 км.

О моих представлениях о церковном этикете можно судить по следующему эпизоду. Пока батюшка готовил митрополита Симона к встрече в его кабинете, на меня набросились женщины в его приемной: «Бесстыдство какое, в брюках к митрополиту» . Угомонились только, когда вышел батюшка и «цыкнул» на них: «Это владыке решать, стыдно или нет». Митрополит Симон оказался умнейшим и симпатичнейшим человеком. И потом передавал мне с батюшкой не только приветы, но и свои книги.

Митрополит не только благословил нас на строительство часовни, но и приехал потом с большой свитой и хором на закладку креста. Под молитвы и песнопения мы водрузили дубовый крест на месте будущей часовни – на большой свободной площадке прямо в центре деревни. А после «официальной» части – был долгий обед у нас дома, и хор пел уже другие песни. Обед, конечно, я не включила в сюжет, который был показан по каналу «Россия» в моем цикле «Вот моя деревня».

Строительство шло трудно. На первом субботнике, когда рыли траншею под фундамент, Яблоков почти два часа копал один. Потом пришла Поташиха с лопатой, а за ней, потянулись остальные. В основном, «дачники» и дети.

У местных всегда находились отговорки от «своих дел полно» до «мало плотют» . В первый год едва удалось заложить фундамент. Потом стройка замерла почти на два года. Меня успокаивали – храмы, мол, всегда долго строились на Руси. Но между собой, как потом оказалось, шли совсем другие разговоры.

В деревне судачили-судадили, да все никак не могли понять, зачем это Яблоковым нужны такие хлопоты и такие расходы. Кто-то предположил, что мы получили от кого-то большие деньги на это строительство, а часть оставим себе. Когда я спрашивала, кто же вдруг решил дать нам денег, пожимали плечами: «А кто его знает...» Но самым популярным был слух, что вот всем миром мы будем строить, а Яблоковы потом отдадут этот храм мусульманам. Мою маму, таджичку, естественно, в деревне знали и любили, но «кто его знает...» Резюмировала наша матушка, прелестная Аннушка: «Где доброе дело делается, там и бесы...».

Тогда и пришло решение креститься.

И бесы угомонились.

Я потому и стала журналисткой, что мне все-все было интересно. Но чтобы стать журналисткой, я должна была закончить журфак МГУ. Но закончила филфак, не сразу сообразив, что лучше потратить «лучшие годы» на литературу, чем на советско-партийную печать. На журфак тогда брали ТОЛЬКО с двухлетним стажем (кстати, это вполне логично). И поэтому после школы, которую я закончила в 16 лет, я пошла работать в многотиражку на завод Лихачева. К слову сказать, при «Московском автозаводце» было неплохое литературное объединение, на котором я впервые увидела (и услышала) тогда никому не известную Бэллу Ахмадулину.

В заводском административном здании располагались не только редакция и всякие профкомы, парткомы, но и большой зал для собраний. И вот однажды там состоялся Товарищеский суд на... сектантом из секты пятидесятников. И я была направлена на этот суд с редакционным заданием. А до этого я и в церкви никогда не была.

Однажды мы с сестрой, студенткой Щепкинского училища, со своими подружками – однокашницами - поехали в Загорск. Там в Лавре познакомились со слушателем семинарии Леней Тепляковым и решили подружиться с ним, чтобы «перевоспитать». Все как-то быстро утомились, а я еще некоторое время общалась с Леной по телефону. Помню, Леня прислал мне аккуратно переписанные документы, касающиеся отлучения от церкви Льва Толстого, которые мне были нужны для курсовой, но которых не было в свободном доступе ни в университетской, ни в Исторической, ни в Ленинской библиотеках. Позже я узнала, что Леня все-таки покинул семинарию, но «виноваты» ли были в этом мы, не знаю.

Был еще случай, когда мы устроили слежку за инвалидом, который, стоя на «косячной» ноге, просил милостыню у Новодевичьего монастыря, а потом вдруг встал на обе ноги и потрусил к пивному ларьку. Он вдруг обернулся и так цыкнул на нас, что советские мечты о перевоспитании бедненьких верующих никогда больше нас не посещали.

До строительства часовни в Петрушове была еще долгая жизнь, в которой в туристическом калейдоскопе мелькали храмы разных веков и конфесий. Я побывала из любопытства даже на службе в баптистском молельном доме на Покровке.

В 1984-м году моя приятельница Людочка Н. привезла мне из Мозамбика (!!!) в подарок Библию на русском языке. В Советском Союзе купить ее было в магазине невозможно. Я бегло просмотрела «отельный вариант», напечатанный на тоненьких, буквально, из папиросной бумаги листочках, и поставила на полку. Сережка ее с полки снял. Через некоторое время он сказал мне: «Мама, я хочу креститься». «Подожди, - сказала я, - не торопись. Это слишком важное решение. Давай вернемся к этому вопросу, когда тебе исполнится восемнадцать. И потом, ты же комсомолец». Месяца через два я нашла на своем письменном столе записку – «Мама, извини, но я тебя не послушался» - и квитанцию из близлежащей церкви об оплате за обряд крещения. Так мой сын стал верующим. Он стал посещать службы, соблюдал посты и много читал не только о православии, но и о других религиях.

Время было очень турбулентное, и мне, признаться, тоже очень хотелось найти какую-то точку опоры. Однажды один мой знакомый даже предложил мне «крещение на дому» - у него был знакомый батюшка. Но я была не готова. Совсем.

Летом 93-года меня наградили командировкой без съемочной группы. Это была роскошная награда, обычно мы должны были заранее все знать и предвидеть, прежде чем выезжать на съемки. При этом лимит пленки был 1:2. Я решила поехать по следам очерков Б. Можая в Рязанскую глубинку, чтобы своими глазами посмотреть на его

удивительных героев. Начала с деревни Немятово Клепиковского района. Но учителя истории Н. Федина не оказалось дома, родные сказали, что он ушел в лес за грибами, а это на целый день. Сопровождающий меня парторг (а тогда у столичных журналистов была такая привилегия) предложил зайти к «дачнику» - писателю Анатолию Киму. Очень не хотелось тратить драгоценное время на москвичей, но вариантов не было. Оказалось, что Ким хорошо знает еще одного Можаяевского персонажа из местных - Ивана Ивановича Пушкина, и мы отправились к этому совершенно уникальному чудаковатому человеку аристократической внешности, мастеру на все руки, о независимом характере которого ходили легенды. Затем Ким вызвался быть моим сопровождающим, чтобы показать мне умирающие деревни, порушенные храмы, остовы мелиоративной техники на заброшенных полях. Оказалось, что автор одного из самых нашумевших тогда романов «Белка» принимает близко к сердцу проблемы села.

На следующий день я, Федин, Пушкин и Ким за рулем своей Нивы отправились в путь. Путешествие было очень полезным и интересным, я потом сделала несколько передач об этих местах. В одной из них «О чем не молчит земля» был эпизод, имеющий непосредственное отношение к теме этих заметок.

В этой поездке я впервые побывала в Касимовском районе, в частности, в деревне Петрушово. И, конечно, в селе Погост, где на высоком берегу Оки, там, где в неё вливается река Гусь, стояла дивной красоты церковь. Мы бродили по крыше храма среди березок, разглядывали кое-где сохранившиеся скульптуры святых, и абсолютно безосновательно мечтали о восстановлении этого чуда зодчества, выламывающегося из традиций русского зодчества. В моей передаче остались по недогаду цензуры (о религии либо ничего, либо с осуждением) интервью с жителями, которые рассказывали о том, как революция сметала эту церковь. Привезли каких-то заключенных (местные мужики не соглашались), они сбросили купол, разожгли прямо на площадке перед храмом костер, расплавили все оклады, сожгли все иконы. Селянам все же удалось кое-что припрятать по сундукам. Всего через несколько лет после этого разговора сундуки были открыты. Как и положено, по Обращению прихожан из Рязанской епархии прислали батюшку. Отец Николай оказался деловым, сразу поставил металлический забор вокруг храмового комплекса (зимняя и летняя церкви, крестильный дом и др. постройки) и занялся восстановлением.

Эта церковь в Погосте – издавна приходская для Петрушова. К тому времени, когда мы поселились в Петрушове, ни батюшка, ни местные учителя истории ничего не могли нам рассказать об этих храмах. Мы послали запрос в Рязанский архив, связались с Касимовскими историками - ничего. Получили, правда, рукописную тетрадку от одного краеведа-любителя про быт и нравы давних лет в этих краях.

Когда мы снимали, на прицерковном кладбище обнаружили надгробный камень, на котором ясно виднелся переломанный меч. Масоны? Позже в Погост приезжали немцы в поисках могил своих предков.

Сейчас туристам (ныне это туристический объект) раздают маленькие буклеты то ли с историей, то ли с легендой. Одна из легенд нового времени, что именно меня нужно благодарить за открытие храма. Ну и, конечно, за проложенный в Петрушово асфальт. За легенды – спасибо.

Вот такая «загогулинка» истории нашей часовенки длиной в 10 лет – в 1993 г. я гуляла по свежей травке на крыше храма нашей приходской церкви, а в 2013 г. открылся маленький храм этой же приходской церкви в Петрушово.

Весной 89-года я делала в Тульской области для «Сельского часа» очерк об одном из родоначальников русской агрономической науки А. Т. Болотова. Тогда там еще не было музея Болотова, но рядом с его усадьбой мы обнаружили дом-музей В.Ф. Руднева, командира крейсера «Варяг». «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг». – так пели до наших дней после Цусимского поражения, которое предсказывал, но не смог предотвратить мой дед – адмирал Кладо. Я не удержалась и при «попустительстве» режиссера Леночки Трояновой сняла материал еще для одного очерка. Когда я работала над дикторским текстом для этого сюжета, у меня произошла еще одна, как потом определил ее Яблоков, «знаковая» встреча с Алексеем Владимировичем. Но об этом не хочется скороговоркой. Вернемся в Тульскую область в Дворяниново.

Довольно унылый вне дворянской усадьбы сельский пейзаж оживляла явно современная постройка из красного кирпича. На наши расспросы местные жители либо отвечали уклончиво, либо вообще не отвечали. Оказалось, что это место было выбрано для возведения религиозного Центра пятидесятников. Строители - молодые симпатичные люди охотно рассказывали нам на камеру, откуда они родом, на какие деньги строится храм, и что это у них за такая религия. В Москве мы смонтировали небольшой сюжет и предложили его «Взгляду». Но на взгляд «Взгляда» о религии говорить по ЦТ никто не разрешит. Но очень скоро мне позвонили из молодежной редакции: «У тебя есть какие-нибудь съемки Патриарха? Нет? Давай скорее твой Тульский сюжет, нам срочно надо что-нибудь про религию». Что-нибудь про пятидесятников в связи с чем-нибудь, связанном с Патриархом РПЦ, вышло в эфир «Взгляда» тем же вечером. Круто!

У меня есть очень верующие и воцерковленные приятельницы. И одна из них, когда у меня случилась онкология, посоветовала: «Вам надо вместе с Яблоковым пойти в церковь и сделать то-то и то-то». Алексей Владимирович сказал: «Я сделаю все, что ты мне скажешь». Но я ничего не сказала.

Нам часто задают вопрос: «Как и почему вы, люди не верующие, построили часовню?» А Яблоков любит кивать на меня, это, мол, ее идея. На самом деле, когда я рассказала ему о своем разговоре с бабой Катей («Нам бы часовенку...»), Яблоков страшно обрадовался. «Давай построим, это прекрасная идея». Все дело в том, что Яблоков почти маниакально любил делать добрые дела для людей, он искал и находил эти дела. И если уж он брался за дело – то нет, не маленькую деревянную, а большую белокаменную, чтоб на века... А потом еще и клуб («часовня для верующих, а клуб для всех»), а потом и большой частный сад общего пользования... Яблоков вместе с ребятами закладывал фундамент, помогал возводить стены, разводил цемент для крыльца, обивал крест, сооружал купол и т.д. и т.п. Ему доверили забить последний гвоздь в обшивку купола, При всей своей занятости он приезжал на важные события, связанные со строительством часовни. Помню, как все ужасно волновались, когда поднимали купол. Никогда раньше и никогда потом у этих ребят не было такой работы. А буквально за два дня до этого события по всем каналам ТВ передали, что в Кронштадте при подъеме рухнул купол.

Открывать часовню в сентябре 2003-го приехал архиепископ Павел из Рязани (владыка Симон ушел на покой по возрасту). Незадолго до этого в Рязань его «перевели» из Австрии, он еще тогда не успел «забронзоветь» и не погнушался приехать открывать часовенку в заброшенной деревеньке. Он был очень красив, хорошо образован и современен.

А на десятилетие часовни приезжал уже выпускник какой-то Академии управления при Президенте России епископ Дионисий из Касимовской только что образованной епархии. Он привез с собой не только хор, но и всех окрестных батюшек, сняв их с субботней вечерней службы. Престол поставили во дворике часовни – всех желающих

часовня уместить бы не смогла. «Понаехало» всякое начальство тогдашнее и будущее из Касимова.

Праздник совместили с нашей традиционной «Макушкой лета» и я, конечно, была занята больше им. И все впечатления и поздравления услышала уже после представления, во время дегустации традиционного «Вкусного стола».

5 июня 2017 года в Международный день защиты окружающей среды в часовне святителя Николая в Петрушове прошло богослужение, на котором батюшка благословил создание музея Яблокова. Прихожане же обратились к отцу Николаю с просьбой определить место в часовне принесенным ими иконам преподобного Алексея, человека Божьего и Святой Дарьи. Батюшка повелел повесить их в самом центре. Мне казалось это не очень-то скромным и вообще не правильным, но меня не послушали. Но послушали через год, когда заказывали памятную доску, на которой написали, что ее построил А.В. Яблоков. По моей настоятельной просьбе надпись исправили. В первую субботу августа во время нашего ежегодного деревенского праздника «Макушка лета» была открыта табличка с надписью: «Часовня построена в 2003 году всем миром при участии Алексея Владимировича Яблокова».